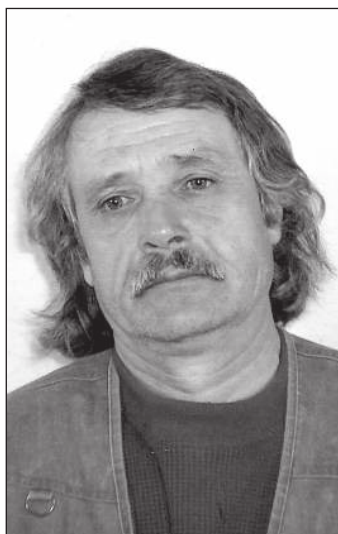

Александр БРЮХОВЕЦКИЙ

БЕЗ ЛИЦА

Рассказ

Ветер февральский, злой, неугомонный, как сто чертей, бросает пригоршни ледяных колючек в лицо, шлифует скулы, словно наждачной бумагой. Потом поутихнет на время и тут же вновь стеганёт батогом, с оттяжкой жгучей по неприкрытым частям тела. Неуютно Притыкину Михаилу – голову втягивает по самые плечи, прячась с заветренной стороны дома, нужду малую справляя. Оставив на сугробе жёлтый автограф нужды, спешит в дом. Сам себе под нос, хлопая перекошенной дверью: «Ох и сучий февраль!» Ему, Притыкину, можно принципиально и с крылечка... либо в ведро – один живёт, но под воздействием культурного наследия от старой жизни, пока не проделывал этого.

Сейчас у него – новая жизнь, личная. Бабу он похоронил с полгода назад. Сегодня как раз полгода. На печке что-то доваривается, в доме грязь и густая тенёта по углам. Даже зеркало почти не отражает Притыкина. А он редко в него заглядывает – боится увидеть себя одного, старого и несчастного, а может, и само зеркало боится увидеть небритое и грязное существо. Порой Михаилу кажется, что в доме вообще никого нет, даже его самого, и тогда непомерная печаль, перемешанная со страхом, овладевает им. В такие моменты он начинает тщательно ощупывать свои ноги, руки, убеждаясь в их наличии, а значит, и всего остального в теле, включая печень, селезёнку и что там ещё внутри... Даже зычно

109

крикнет на всю избу: «Эх, жисть бекова!..». После этих процедур ему сразу становится легче. А сегодня могут быть и гости. А могут и не придти. Надо же всем напоминать, что его бабе уже полгода... А была ли эта баба, Притыкин даже стал сомневаться. Да вроде была.

Вещи её перебрал в старом шифоньере, фотокарточки посмотрел. Вдвоём жили – детей не было. Если бы не эти старые фотографические изображения, то он бы толком и лицо своей супруги не вспомнил, настолько оно становилось размытым в сознании. Может, оттого, что не любил?.. Или в ней темперамента особого не было – лежала в постели холодная, как бревно, – не достучишься до желаний... а может, сам Притыкин стучаться, как полагается, не мог?.. Но хоть и бревном она была – всё ж веселее время короталось. После её смерти Михаил ошкурил чурку в два метра и положил рядом с собою в кровать, чтобы легче переносить одиночество. Даже болтал с ней иногда, чурку эту обнимал.

В дверь постучали. Вошёл Кабанцов Вася, с большим сизым носом, из которого текло от холода, – бобыль преклонных лет со стажем. В деревне все его называли Вася Утконос. Посидели, помянули покойницу самогоном. Долго молчали, посапывая.

– Бабу свою стал на лицо забывать, – нарушил молчание Михаил. – Порой думаю, а была ли она?

БРЮХОВЕЦКИЙ Александр Николаевич родился в 1954 году, профессиональный художник, писатель, член Союза писателей России, автор книг прозы: «Летающий мужик», «Камень», «Красиво живём», «Поехать в небывшее». Печатался в журналах «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», «Молодая гвардия», «Лад Вологодский». Живёт в селе Колмогорово Кемеровской области.

Кабанцов, рассеяно глядя на пустой стакан, развил сюжет:

– А я так и приблизительно не скажу про свою, но помню с бородавкой была. А вот жратву она хорошо готовила. Жратву вот помню, а лицо – нет. Только вот эту бородавку... слева от носа... или справа... от носа. Это от того, Миша, что нет любви, однако. Да я, правда, к ней шибко и не присматривался – так мелькала, мелькала и убралась потихоньку...

– Да, все мы по краю ходим... А любовь, Вася, она есть... – вздохнул тяжело Михаил.

Ещё опрокинули по полстакана ядрёного напитка, крикнули, захрустев солёными огурцами. Кабанцов, ковыряя вилкой в зубах, продолжил тему:

– По мне, счас покажи голую задницу и лицо моей бывшей, я так сразу и не определюсь, где что... вот так!

– Может, у неё лица и не было? – спросил Притыкин, пьянея и глупея.

– Как это не было?!.. Была бородавка, значит, и лицо было! – обиделся гость. – Просто она не была красавицей, вот и всё.

– Бородавка, она где угодно прицепится, а я вот что, Вася, подмечаю, – хозяин вновь плеснул в стаканы. – Подмечаю, что все бабы, особенно у нас в деревне, как бы на одну морду – какие-то стандартные... То ли оттого, что их знаешь, как облупленных, то ли... а может, красивых и отродясь тут не было?

– Верно, Миша! На своих деревенских посмотришь, и никакого желанья тебе!.. Красоты особой не замечается. Где им тут красивым да изящным взяться?

– Правильно, Вася, что им тут делать. Давай ещё по соточке, помянем грешную!.. Кх-х! Крепкая зараза! Я, признаться, всегда мечтал о таких, как в телевизоре, – изящных, умных!...

Оставшись один, Притыкин начал бродить из угла в угол, не находя места. «Надо что-то менять», – бормотал он. А как менять, он не знал. Вновь, как и раньше, на него накатила волна страха и горькой печали. И такая жуть овладела им, что начало знобить всё тело, будто от холода, и Михаил залез под одеяло, но, постепенно придя в себя, натаскал воды в баню, протопил её.

Разомлевши от горячего пара, Михаил долго разглядывал свои ноги, руки, шевелил пальцами, удивляясь их безупречному подчинению мысли. Потом напрягал бицепсы и остальное:

кожа местами уже пообвисла, но сила в теле ещё чувствовалась – мышцы бугрились, в общем, все анатомические части исправно работали, и Притыкин находил, что он ещё не труп – он ещё запросто может устроить личную жизнь в свои пятьдесят семь. Перебрав мысленно весь свободный женский пол, пришёл к неутешительному выводу – все они без лица, да к тому же с приличными довесками в виде детей и внуков.

Перед сном, как всегда, он смотрел вечерние новости на одном и том же канале – ему нравилась телеведущая Катя. Она была тонкой и миниатюрной, с красивыми чертами лица и с обворожительной улыбкой. Когда Катя, после окончания новостей, улыбалась широко и белозубо, то у Притыкина Михаила вся изба переворачивалась – ему было невыносимо хорошо и так же невыносимо тоскливо. Вот такую он смог бы взять себе даже с большим довеском! Красавица, умница! А какая улы-ы-бка!.. Напрягая память, он пытался вспомнить, улыбалась ли когда-нибудь его жена? Кажется, да, но очень и очень редко, а Катя каждый вечер улыбается... Её даже щеко-тать не надо – говорит и улыбается.

По ночам ему часто снилась Катя. Она протягивала к нему руки, подмигивая глазками, но только Михаил приближался к ней с замиранием сердца, как она исчезала, смеясь. Просыпался он, а в объятиях – бревно. Дурно ему становилось от этого: с вечера – своя бывшая в виде бревна, ночью – Катя олицетворяла холодную и скользкую деревяшку. На следующий день после поминок он распилил это бревно и поколол на дрова. «Две бабы – это уж слишком», – бурчал он, складывая поленья в аккумуляторную стопку.

После этого Притыкин почувствовал себя совсем одиноким. Из дома он не выходил практически после смерти жены, разве что за хлебом и продуктами сходит раз в три дня, а пенсию шахтёрскую он давно заработал – принесут. Вот так и коротал время. Иногда приходил всё тот же Кабанцов: посидят, смоля дешёвые сигареты, на правительство пожалуются, потом на свою судьбу, баб при этом обязательно «пропесочат» – покойниц и ныне здравствующих. Сходились во мнении, что все они без лица... Мол, нет той одухотворённости, обаяния...

Михаил немного пришёл в себя, и чтобы окончательно отвлечься от всевозможных лишних дум, решил походить на рыбалку. Морозы к концу февраля стали не такими злыми, хотя с

утра могло и под минус двадцать пять ударить, но к полудню заметно теплело. Вот только ветерок колючий всё так же заявлял о своём непокладистом характере – дул настойчиво во все щели изб.

Река широкая, и местами, где отсутствовал прибрежный лес, продувалась постоянными ветрами, отчего лёд там был чист. Рыба здесь практически не водилась, но Михаил особо и не печалился – развеяться бы...

Попав под ветер на открытом участке, он широко распахнул полушубок, изображая из себя парусник, после чего успешно заскользил по льду к противоположному берегу. Он нёсся стремительно, подгоняемый упругим ветром, – это было похоже на всю его жизнь – от берега и до берега, без любви и счастья, без денег и без славы. Он катился минут пять, но так и не успел осознать для чего ему, Притыкину, дана эта глупая жизнь. Он отъехал от одного берега, теперь прибыл к другому, сзади было рождение, впереди смерть... «Но если в масштабах Вселенной, то человек живёт практически долю секунды, – размышлял он, – и многое, как ни странно, успевает сделать. Вот только обустроить свою личную жизнь по своему желанию не может – судьба... И ведь важнее и значимее любви, выходит, ничего и нет!»

Он раз десять возвращался назад, подставляя лицо жгучему ветру, потом с восторгом катился в обратную сторону, блаженствуя и философствуя о бренности всего сущего. Ему казалось, что его жизнь наполнялась каким-то глубоким смыслом. Какая-то особая значимость проникала в его естество. Он приходил на реку каждый день, постепенно становясь её неотъемлемой частью, только вот ночью...

Ночью он опять видел Катю... Это было тяжёлым испытанием, и он перестал вечерами включать телевизор, чтобы ненароком не натолкнуться на милое лицо. Но через несколько дней не выдержал – включил, но Кати уже не было. Вместо неё передачу вела совсем другая особа. Тяжело переживал Притыкин отсутствие желанной телеведущей, тешился мыслью, что Катя, возможно, пошла в отпуск, а может и вовсе забросила телевидение. Ему показалось, что весь мир стал обезличенным без Кати, и эта страшная мысль заставила вновь лихорадочно ощупывать себя: все части тела были на месте, вот только когда он проходил мимо зеркала...

Проходя мимо зеркала, Притыкин Михаил бегло взглянул на своё отражение и оторопел – там отсутствовало его лицо. Весь Притыкин отражался, а вот лицо – нет. Не веря этому, он схватился за нос, но рука провалилась куда-то внутрь. Отсутствовали ещё губы, скулы. Не веря до конца в это происшествие, он поплевал на зеркало и протёр рукавом рубашки своё отражение. «А-а-а-а!» – вырвалось страшное и протяжное изнутри его тела, как из глубокой ямы. В зеркале он чётко увидел голову, на ней лоб и уши, шею, а вместо лица была большая дыра. Он дико взвыл и, испугавшись собственного звука, который исходил буквально из желудка, стал бегать по избе, круша всё, что попадалось под руки, потом придя в себя, задёрнул занавески на окнах, набросил крючок на дверь.

Ночь он провёл тихо, боясь прикоснуться к лицу, а утром на цыпочках подкравшись к зеркалу, стал осторожно в него вглядываться – лица так же не было. Вскоре в дверь громко постучали. Притыкин молчал. С той стороны крикнули:

– Миша, это я. Открывай.

Это был Вася Утконос. А другие к нему как-то и не заходили.

– Не могу, – промычал глухо Михаил.

– Отчего так? – недоумевали за дверью.

– У меня... меня... в общем, я без лица, Вася!.. – донеслось глухое.

– Да будет тебе!.. Хватит шутить! У тебя его и вчера не было... Вон, как страдания нас доводят!.. Я, Вася, самогоночки выгнал – первачок. Может, дерябнем с устатку?

Это, казалось, был выход. «Нужно действительно напиться, а там будь что будет!.. Вдруг лицо обнаружится или наоборот – весь исчезну, что даже и лучше...» – подумал так Притыкин и утробно выкрикнул:

– Ты, только того... Не испугайся.

Сидели за столом визави: Притыкин с наброшенным на голову грязным полотенцем и слегка удивлённый Кабанцов.

– Ну, будя издеваться, Миха, давай по маленькой, не придуряйся! Ежели ты действительно без лица, то как будешь пить? Куда пойло вливать будешь?

Несчастный сдернул полотенце. Эффект был потрясающим – Кабанцов упал со стула и в бессознательном состоянии провалялся несколько минут.

– К-как же теперь без лица-то? – заикаясь, спрашивал он, немного придя в себя, и разгля-

дывая со страхом своего друга. – Без лица, Миха, тебя никуда из деревни не выпустят. В паспорте есть лицо, а на тебе его – нет.

– Вот так и жить будем, Вася, – просипел утробно Притыкин, опрокидывая стакан с жидкостью в большую дыру на месте лица.

Выпили основательно, от души. Михаил плакал, и звук нёсся, как из глубокого колодца, сырой и низкий, наводя ужас на Кабанцова. Тот, глубоко вобрав голову в плечи, тоже тихонько подвывал.

– Тебе, Миха, на улицу точно никак нельзя. Увидют, определяют куда-нибудь... Это ж как, спросят, с таким видом на люди показываешься?.. А в магазин я буду ходить, ты не переживай шибко! Главное даже за дверь не высовывайся, а я всем скажу, что ты уехал к брату на Сахалин, вот так. А там, глядишь, и лицо новое нарастёт.

Трое суток сидел безвылазно Притыкин дома, потом осмелился и стал совершать ночные прогулки: поднимет ворот полушубка, втянет туда голову по самые брови и, как медведь-шатун, туда-сюда по окраине деревни, где, собственно, и стояла его изба. Луна, полная и бледная, молча любовалась странной фигурой, освещая её жиденьким лимонным светом. Ночной мир казался странным и призрачным: закуржавевшие деревья, освещаемые этим глупым и холодным ночным светиллом, казались нарисованными – нереальными. Притыкин отмечал про себя, что даже Луна имеет лицо, потому как там явно читались и рот, нос, глаза... От тоски ему хотелось завывать. И он завывал долго и протяжно, как это делают волки. В деревне эту дикую мелодию дружно подхватили собаки.

Вскоре он расширил территорию своих ночных посещений. Теперь он вновь стал выходить к своему излюбленному месту, которое определил для себя неким жизненным пространством, чтобы хоть как-то наполнить смыслом своё прискорбно-ужасное состояние. Ветер был настолько слаб, что о глупом катании от берега к берегу не приходилось и помышлять, и ему оставалось только бесцельно бродить по зеркально чистому льду. Меряя широкое пространство реки старыми подшитыми валенками, Притыкин вдруг увидел её...

Нет, ему не показалось... Под его ногами лицом кверху лежала полуобнажённая женщина, полностью вмёрзшая в лёд. На ней были только ажурные трусики и лифчик. Фигура и лицо были

безупречны по форме (по крайней мере так показалось Притыкину), а длинные тёмные волосы утопленницы застыли в причудливых извивах вокруг шеи, рук... Носик был слегка вздёрнут, аккуратен, глаза были открыты и удивительно чисты, как будто нисколько не осознавали свою ужасную кончину. А чувственный полуоткрытый ротик с припухшими губками как будто призывал к плотской страсти.

Михаилу как током пронзило голову: «Не Катя ли это?» Потому как была так же божественно красива. Потом прикинул, что телеведущая исчезла с экрана буквально на днях, а труп, конечно же, находится в реке с поздней осени. Но удивительно, что утопленница нисколько не искажена, ни страданиями, ни временем – цвет тела, как у живой... Да и вся она в целом пышет здоровьем. Дрожь пробежала по телу Притыкина, страшно ему стало. «Какой же негодяй так разделался с красавицей или сама утопла?» – размышлял он.

Прибежав домой, он долго не мог найти себе место. Хотел позвонить Кабанцову, потом участковому, но передумал. Немного уняв нервную дрожь, Михаил взял фонарик и вновь поспешил к реке. Он внимательно изучил тело: следов побоев не находилось, в общем ничего такого, что свидетельствовало бы о насильственной смерти – она даже сияла вождеденно... После этой несложной процедуры Притыкин неумело перекрестился на всякий случай и решил никому об этом пока не сообщать.

Весь день он не находил покоя, бегая по избе, мучимый странным желанием видеть и видеть утопленницу, а как только стемнело, побежал на реку.

Он находился там почти до рассвета, любясь в лунном свете своей странной и страшной находкой. Последнее его уже сильно не пугало, потому как сам того не ведая, стал влюбляться в ледяное изображение, принимая это как знак судьбы. Михаил нежно гладил шершавой рукой лёд, под которым скрывалось её лицо, волосы, шептал что-то лирическое, и, терзаемый мыслью, что буквально через полтора – два месяца начнётся ледоход и его красавица исчезнет, он решил на отчаянный поступок.

На следующую ночь Притыкин прихватив санки, верёвку, топор и ножовку, принялся решительно извлекать свою красавицу из ледяного плена. При этом он старался, чтобы не одна прядь волос не пострадала, не говоря

уже об остальных частях тела. Он её, конечно, похоронит потом по-человечески, но сначала пусть она в своём ледяном панцире постоит у Притыкина на веранде: он будет любоваться ею. Никто не знает, каких усилий ему это стоило, можно лишь догадываться, как он это продельвал. Но долгий процесс был завершён, и к утру ледяная красавица уже стояла у него на веранде, прикрытая старым половиком.

Часам к одиннадцати с хлебом пришёл Вася Утконос, он же Кабанцов.

– Я вот что думаю, – начал он с порога, – надо тебе, Миха, врачу показаться... этому... пластическому. Может, соберёт кое-что с ушей, с подбородка, со лба и натянет на дыру... Рот, я думаю, несложно будет сделать – отверстие и всё... А вот с носом будет сложнее, но они ж специалисты!.. А так до ишачьей пасхи ждать надо, пока новое лицо нарастёт. А нарастёт ли, ещё неизвестно.

Притыкин стоял к нему спиной, а когда обернулся, то из рук Кабанцова выпала буханка. Михаил был с лицом, словно оно никогда не исчезало, мало того – оно было с горящими, почти безумными глазами и с улыбкой до ушей.

– Мать моя женщина, отец большевик! – попятился назад Утконос. – Я, кажется, схожу с ума! Нет лица – есть лицо! Это как же?..

– А я влюбился, Вася!

– А кто она, Мишаня? Неужто не из наших краёв? Да и где ты мог найти такую, чтобы влюбиться? А она как же?.. Ведь ты без лица был, да и дальше калитки не выходил, разве что ночью?..

– Да ты угадал, она не из наших краёв, приезжая она... Приплывшая... – опустил глаза в пол Притыкин. – Но ты только не пугайся, она очень красивая.

– Да я, Миха, уже пуганый перепуганный! Что может быть страшнее человека без лица?

– Страшнее только красивая баба, Вася.

– Покажи, покажи её!

Притыкин показал. Нашатырного спирта в доме не было, поэтому в чувство Утконоса привёл с полчаса.

– Она, она уто-пппп-ле-ница-а... – лепетал тот, приоткрывая один глаз. – Ты с ума сошёл! Нас с тобою вместе посодют.

– Не посодют, ежели не стуканёшь. Немного баба растает, похороним, как следует.

– Потом снова лицо потеряешь. О, горе мне с тобой!

Придя на следующий день, Кабанцов уже без особого страха разглядывал бабу-ледышку, находя её очень красивой.

– Жалко, конечно, будет с ней расставаться, вон какая прелесть неопиcуемая, просто картинка... И ноготочки разукрашены, тонкая, изящная... А губы, губы, Миша, прям поцеловать хочется!.. И реснички одна к одной!..

Они переворачивали глыбу и так, и сяк, рассматривая всё до мелочей, та лишь потихоньку таяла под их горячими руками.

– Это ж надо такую красавицу изничтожить, – продолжал бормотать Кабанцов. – А может, она сама в реку бросилась. Разлюбила, видно, и в реку!..

– В таком виде и в реку?

– Да, прям с постели и в реку... не одеваясь. Эх, какая! Ножки, шейка точёные, грудь что надо! Скоро ледоход, Миха, может, пустим её – пушай дальше плывёт! – настороженно закончил Кабанцов.

– Можно и так, яму хоть не копать, – согласился Притыкин.

И хоть им было жаль расставаться с этой страшной находкой, но придя к этому правильному решению, стали дожидаться ледохода. А красавица всё таяла и таяла под горячими руками двух мужчин: они ежедневно и непрерывно вертели её во все стороны, анализируя параметры тела, черты лица, находя их безупречными. И как-то Вася Утконос при очередном осмотре высказался.

– А не кукла ли это?

Это прозвучало для Притыкина, как выстрел из пушки.

– Да-да, Миха, ты не удивляйся, счас бывают такие куклы для утех, сам знаешь, которые дорого стоят, очень дорого... Халупа, Миха, твоя не стоит столько!

Эта новость была потрясающей настолько, что они оба вдруг заулыбались.

– Так тогда, Вася, и хоронить не надо будет! – радостно воскликнул Притыкин. – Пушай живёт у меня, сколько хочет. Жрать я сам сварю, в доме уберусь... Баба, она для красоты пусть будет! Главное, что не скандальная.

– Ну, это... – Кабанцов почесал затылок короткими, толстыми пальцами, – я тоже холостой... Могла бы она и у меня пожить...

– Ну и ладно, пушай неделю у тебя, другую – у меня. Хотя по-честному, я её нашёл и у меня она должна больше оставаться, – резюмировал Притыкин.

– И на том спасибо, – согласился Утконос.

Дело шло к весне. В середине марта к полудню была уже плюсовая температура, хотя по ночам ещё сильно примораживало. Так или иначе весна брала своё, и нареченная красавица почти полностью освободилась из ледяного заточения. Сначала выглянули наружу розовые пальчики левой руки, потом вдруг отвалился большой кусок льда от ягодич, головы...

– Процесс пошёл! – шумел Кабанцов, пригнувшись к её телу. – Вроде не пахнет!

– Её в тепло надо, – настаивал Притыкин. – Быстрее отойдёт, потом нюхать будешь. Трупный запах, он в тепле обнаружится быстрее.

– Да чё тут нюхать! Кукла это, Миха! Ты пощупай пальчики – точно резина или с чего их там делают... А задница, во! – И тот хлопнул утопленницу по мягкому месту, после чего весь лёд разлетелся вдребезги.

– Как живая! – ахнул Притыкин, потрогав её нос.

Потом ощупывали её вместе, убеждаясь, что это всё-таки кукла. Шарили руками в интимных местах, сняв трусики и лифчик.

Ровно через две недели река освободилась ото льда, а красавица-кукла освободилась от двух назойливых мужиков. Она просто рассыпалась в прах – переморожена была, а оттаяв, прожила недолго, затисканная в объятиях.

Хоронить её понесли в ведре. Креста не ставили. Повздыхали тяжело. Разлили по стакану самогонки. Выпили, не глядя друг на друга.

– Ты, Миха, лицо случаем не потеряешь снова? – спросил Кабанцов, он же Утконос.

– Нет, Вася, не переживай. У меня Катя появилась!

– Какая ещё Катя?

– Какая, какая... Из отпуска, видать, вышла. Краса-а-а-вица писаная!

– И где же она?

– Ты только не пугайся. В телевизоре она.

